

САМАЯ
СТРАШНАЯ
КНИГА

Иван Белов

ЗАСТУПА:

ВСЕ ОТТЕНКИ ПАДАЛИ

Москва

Издательство АСТ

 АСТРЕЛЬ СПб

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Б43

Серийное оформление: *Юлия Межова*

Иллюстрация на обложке: *Ольга Морган*

Белов, Иван Александрович.

Б43 Заступа: Все оттенки падали : [роман] / Иван Белов.— Москва: Издательство АСТ, редакция «Астрель-СПб», 2024.— 544 с.— (Самая страшная книга).

ISBN 978-5-17-163405-6

Новгородская земля, XVII век, дикий, неосвоенный край, место, где самые страшные легенды и сказания становятся былью, а Конец Света ожидается как избавление. Здесь демоны скупают души, оборотни ломают ворота, колдуны создают тварей из кусков человеческих тел, ходят слухи о близкой войне, а жизнь не стоит ломаного гроша. Леса кишат нечистью, на заброшенных кладбищах поднимаются мертвецы, древние могильники таят несметные сокровища, дороги залиты кровью, а с неба скалится уродливая луна, несущая погибель и мор.

И столь безумному миру нужен подходящий герой. Знакомьтесь — Рух Бучила, убийца, негодай, проходимец и немножко святой. Победитель слабых, защитник чудовищ, охотник на смазливеньких вдов с девизом «Кто угодно, кроме меня». Последняя надежда перед лицом опустившейся темноты. Проклятый Богом и людьми вурдалак.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-163405-6

- © Иван Белов, текст, 2022, 2024
- © Ольга Морган, иллюстрация, 2024
- © ООО «Издательство АСТ», 2024

Полста жен Руха Бучилы

*Сплю. Снов не вижу, наяву грежу.
Проклятый Богом и людьми, себе ненавистный.
Могилой мне – камень, внутри – сухие кости
и мертвая плоть. Ища спасения,
обретаю тьму без теней и черную бездну.
Кричу во все горло, но крик мой нем.*

Год от Рождества Христова 1676-й, а счетом от Пагубы 374-й, выпал на високосный, предрекая великие беды и десять египетских кар. В високосный год Бог закрывает глаза, испытывая крепость веры людской, лишний день отдавая на откупление Сатане. Зима лютовала морозами, розоватое небо стекленело и лопалось, солнце потухло, снега заметали скаты бедняцких лачуг. В метелях слышался вой мертвецов. Волки пробирались за околицу и резали скот. Юродивые и монахи-расстриги, босые, грязные, покрытые рубищем и гнойными язвами, шатались по околоткам, пророча неурожаи и мор. Появлялись телята с шестью ногами, крестьяне полоумели и гнили живьем, у рожениц молоко скисало в грудях, исходили криком и умирали младенцы. Впервые за сотню лет замерзло Балтийское море, команды попавших в западню кораблей бросали суда с товаром и пробивались к земле,

подальше от белого безумия и умертвий, прячущихся в пурге. Жители рыбацких селений убивали моряков без разбору и сжигали тела, ибо непонятно было, кто из них люди, а кто одержимые ледяными бесами кровожадные мертвецы. В Новгороде разразился невиданный голод, трупы лежали замерзшими грудями, ночью улицами правили безумцы, вкусившие человечины, у полиции не хватало сил, и ситуацию спасли только введенные в охваченный ужасом город войска. В Москве безумный царь Иван сжигал заживо ведьм, а из обрезанных у колдуний волос велел вить веревку длиной в четыре версты¹, по которой избранные взберутся на небеса и вымолят у Бога прощение для всей Русской земли. На юге орды порченных прорвали Большую засечную черту, выжгли три волости и большой кровью были разбиты на подступах к Самаре. В храмах, от заката до рассвета, били набат, отгоняя бесов и Черную смерть. Весны ждали как избавления...

Рух Бучила пробудился среди непроницаемой тьмы, пропитавшейся запахами склепа и гнили. Каменные стены сочились холодом. На миг почудилось, будто он закопан в могиле живьем. Глаза привыкали к потемкам, робкий сквозняк нес пресные ароматы талого снега, взрытой земли и пролившегося дождя. Рух сел, саваном вытянув за собой лохмотья седой пауты. Какой нынче месяц? Видно, апрель. Деревья и травы, очнувшись от

¹ *Верста* — русская мера длины, равная 1,06 км. (Здесь и далее, если не указано иное, прим. ред.)

спячки, жадно пили корнями живительный сок, пускали почки и завивали листья. Рух слышал, как копошатся мыши в полях и птица садится в гнездо. Отгуляна широкая и пьяная Масленица, сошла большая вода, зеленоволосые мавки завели хороводы в заповедных лесах, русалки выползли на припек из стылой торфяной глубины.

Весна — время надежды, радости и забот. А для Руха Бучилы и вовсе страда. Весной, кроме прочего, просыпаются заложные мертвецы. Из тех, что померли смертью дурной и Царствия Небесного так и не обрели. Вытаивают в распадках, царапают когтями стенки неглубоких могил, булькают в трясинах, увитые тиной, разбухшие, с животами, набитыми головастиком и ужом. Снедаемые голодом, стонут и грызут себе руки, алчут плоти живой. Ползут с перекрестков и поганых погостов к селам и деревням. А значит, время Руха Бучилы не вышло. Он еще нужен. Нужен мертвым и нужен живым.

Рух встал, словно паря в плотной осязаемой темноте. Ступни не чуяли укусов промерзшего пола. Суставы распрямлялись, сухо пощелкивая. Колени мерзко скрипели. Вот старая развальня. В теле поганая слабость, движения вялые, во рту горький привкус мышинового дерьма. Надо поесть. Рух поморщился, наконец поняв, что его разбудило. Чертово пение. Монотонный гул сочился в череп, бился в висках. Вот оно что! Господи, ну кто надоумил их петь? Сам Дьявол испытывает на Рухе новую муку. И неплохо выходит! Сукины дети. Приглушенные толщей земли и камня голоса выводили самозабвенно:

— Выходи, батюшка, выходи-покажись!

«Сейчас я вам покажусь, сволочье...» — подумал Рух.

Батюшка-Заступа,
Сыт будешь и пьян.
Надевай кафтан,
На свадебку зван!

«Ах вот чего они горлопанят», — догадался Бучила.

— На свадебку зван...

— Да иду я, иду! — взорвался Рух, злое эхо заметалось по стылым каморкам, отражаясь от сводчатых потолков и ныряя в щели, заросшие чертополохом и мхом. Кафтан, говорят. Надо и правда сыскать чего попримочней. Негоже на свадьбу голодранцем являться. Особенно жениху.

Бучила заухал смехом, похожим на карканье старого ворона. Рваная истлевшая хламида упала к ногам. Рух остался нагим. Так и пойти? А толку? Ведь и слова против не скажут — задница голая, срам болтается, а кланяться будут, словно выражен в соболя. Раньше Бучила и не такие шутки откалывал, а потом поостыл. Темен народишко и запуган. Подохнешь с ними с тоски.

Рух подошел к размокшему старому шкафу. Дверца открылась бесшумно, просто приставленная на нужное место. Давно хотел починить, да все недосуг. Весь в заботах, то спать надо, то жрать...

Изнутри в лицо бросилось нечто, показавшееся с перепугу крупным и злым. Рух отшатнулся и закрылся рукой. По голове полоснуло упругое кожистое крыло. Угревшийся внутри нетопырь мерзко пискнул и выпорхнул в залитый чернильным облаком коридор.

— Тварь! — крикнул мохнатому ублюдку Рух.—
Попадись мне ужю!

Насмешливый писк летучего мыша затерялся в проходах. Напугал, гадина, сто чертей тебе в дышло. Бучила чуть успокоился и достал самый праздничный и по совместительству единственный балахон. Когда-то дивно прекрасный, сотканый одной знакомой ведьмочкой из шерсти черной козы, крашенной дикой лапчаткой и дубовой корой. Умелицей была та рыжая ведьма, и не только в шитье... Рыжая, конопатенькая, жаркая словно огонь. Славные были ночки... Время не знает пощады. Озлобевшие от голода смерды забили ведьму камнями, тело сожгли и развеяли прах, а ряса изнасилась, обтрепалась и утратила цвет. Выбросить не поднималась рука.

Он бережно, боясь окончательно изорвать ткань, встряхнул одеяние и чихнул так, что едва не оторвалась голова. Лохмотья взметнули облако едкой удушливой пыли. Жаль, солнца нет, уж больно пылинки красиво пляшут и кружатся в лучах. Рух медленно облачился — жесткая, засаленная, покрытая соляной коркой ткань царапала кожу. Накинул капюшон.

На улице выводили печальные женские голоса:

И плавала утица по росе,
И плавала серая по росе.
И плакала девица по косе,
И плакала красная по косе.

Ой нетерпеливые. Свадьба в високосный год добра не сулит, жизнь у молодых не заладится. Ну и ладно, стерпится-слюбится. Опыт-то есть. Свадьба эта у него не первая, не вторая и дай бог

не последняя. Бог, кхе. Церковь не одобряла таких выкрутасов, но какое дело Руху до Церкви? Святоши не трогали Руха, Рух не трогал святош. Всем хорошо. Тем более вдовцам дозволяется жениться сверх меры. Рух как раз из таких. Из вдовцов.

Из пролома в крыше синеватым потоком лился свет зловеще ухмыляющейся луны. Раньше луна была, а теперь ночное светило Скверней зовется. Мутный, увитый черными прожилками, разбухший уродливыми наростами шар. Три с копейками века назад небо лопнуло, океаны вышли из берегов, треснула земля и снизошла крошечная тьма. Что это было — никто никогда не узнал. Мириады сгнули, выжившие завидовали мертвым, и Скверня отныне висела напоминанием о былом. Предупреждением. И каждый восход нес очередную беду.

Бучила шел запутанным лабиринтом комнат, коридоров и тупиков. Капала вода. Не ахти какое жилище, зато сам себе на уме. И прежний хозяин не против. Умер давно. Дом на Лысой горе шестьсот лет назад заложил колдун-чернокнижник, пришедший на север откуда-то из-под Киева. По легенде, два яруса и шестиугольная башня выросли за одну ненастную ночь. Вел колдун себя тихо, на глаза не показывался, разбил сады с фонтанами и прыгающими китоврасиками... Ах да, это другая сказка. Свет в черном доме горел ночь напролет: зеленоватый, мигающий, жуткий. Люди рассказывали об ужасном зловонии и душевраздирающих воплях. А потом в округе начали пропадать дети. В душах посеялся страх. Мужики собирались угрюмыми кучками, вели долгие разговоры, спорили, точили косы и осиновые колы.

Напасть не успели. Замок в одночасье сгорел. Что случилось — никто никогда не узнал. Белую вспышку видели в Новгороде, местный дурачок Ермолка, любивший гулять до рассвета, ослеп, размазав вытекшие глаза по щекам. От нестерпимого жара кипела река, деревья падали и горели на протяжении полуверсты. Стены обрушились, камни оплавились, песок превратился в стекло. С тех пор черными клыками торчали развалины на вершине холма, зарастая лесом и сорной травой, служа пристанищем для мороков и загубленных душ. Люди обходили руины десятой дорогой, пока в подземелье не вселился Бучила. Проклятия меньше не стало.

Под ногами шелестел ковер сухих листьев, тонких веток и старых костей. Комнаты сменяли друг друга: темные, отсыревшие, стылые. Рух прошел мимо двери в алхимическую лабораторию. Одно время загорелся со скуки, книжек ученых насобирал, инструментами хитроумными обзавелся, уродами в банках для вдохновения, пару пудов всякой гадости для экспериментов из новгородского университета припер. Золото из куриного дерьма получить не хотел, от многого злата многие беды. Так, для себя кое-что. Сжег пальцы серой, надышался ртути, провонял смрадным дымом и охладел. Мензурки, горелки, перегонные кубы и реторты остались пылиться хоромами для пауков.

Рух вошел в большой круглый зал и замер, почуввав чужой угрожающий взгляд. По спине пробежал холодок. Что-то пряталось за растрескавшимися колоннами в темноте. Ушей коснулось сиплое прерывистое дыхание. Пахнуло мокрой

псиной, свернувшейся кровью и разрытой землей. Зверушка домашняя? Вроде не заводил...

— Наше вам, любезный! — миролюбиво поприветствовал Рух, направляясь к месту, где притаился непрошенный гость.

За толстенной, в два обхвата, колонной мелькнула горбатая тень. На мгновение приоткрылись светящиеся, безжизненные, огромные словно блюда глаза без зрачков. Открылись и схлопнулись. Послышались шлепающие шаги. Гость застеснялся и убежал, оставив после себя едва уловимый аромат стухшего мяса и обрывки воспоминаний. Злых, полных ненависти и лютой тоски. Не дом, а проходной двор. Самое поганое — не ясно, безобидный медвежишка из леса или ломаная, склизкая, белесая тварь, из тех, что выползают из дыр в самых нижних ярусах подземелья. Со времен Пагубы какого только дерьма не развелось. Рух старался не спускаться в это царство гнили, тлена и ужаса. Бездонные норы уводили в первозданную тьму, и не все из них удалось завалить.

Воздух тянул свежий, напоенный весенними цветами и отголосками далекой грозы. Синее пятно возникло за поворотом. Дюжина выщербленных ступеней поднимались к выходу из огромного склепа. Прежде там были ворота, а теперь — бесформенная, затянутая корнями и лозой дыра. Ночь озарялась теплым факельным светом, песенный гул нарастал:

У ворот береза стояла,
Ворота ветками заслоняла,
Туда Марьюшка наша въезжала
И верхушечку березы сломала.
Стой, моя березонька,
Стой, милая, без верху...

Рух выплыл из подземелья, пение резко оборвалось. Ночь уставилась звездами, Скверня укуталась в облака. Дурковатый парень лет двадцати продолжал выделывать ногами кренделя, хлопая в ладоши и припевая:

Живи, мой батюшка,
Теперь без меня!
Хоп-хоп!

На него зашипели, зацыкали:

- Уймись, Прошка!
- Бесово семья!
- Заступа пришел.

Толпа человек в полсотни заполняла поляну перед руинами. Прошка оглянулся, испуганно ойкнул, повел ошалелыми косыми глазами и на четвереньках ускакал за спины односельчан. Жаль прерывать, забавляется человек. В темноте белели рубахи и лица, факелы бросали тусклые отсветы и плевались смолой. За версту разило брагой и медом хмельным. Люди притихли, склонились в поклонах. Руху нравился их благоговейный отчаянный страх. Страх можно было черпать пригоршней из воздуха: сладкий, тревожный, густой. Одеты по-праздничному: рубахи вышитые, новые лапти. У измученных работой и податями крестьян так мало поводов для радости. Один, раз в году, дарит им Рух.

Из толпы вышли трое: седобородые, морщинистые, с клюками в узловатых руках. Старейшины: Аникей, Невзор и Устин.

— Здрав будь, Заступа-батюшка.— Устин, первый среди равных, склонился, мелко дрожа сухонькой головой. Красные глаза слезились. Остальные

двое мели бородами землю. Поцелкивали скрюченные возрастом и болезнями кости.

— Здорово, деды,— милостиво кивнул Рух.

— Хорошо ли спалось, Заступа-батюшка? — Выпрямился Невзор, самый молоденький из старейшин, едва разменявший семьдесят лет. Не просто так спросил, с умыслом. Рух все для села — надежда и опора, оберег и защита. Оттого и прозвище Заступа ему. Издревле на севере Руси повелось — если хочется жизни спокойной, Заступу найми. Леса кругом и болота, человек тут незванный гость. Ведьмы озоруют — Заступу зовут, мертвяки шалят — Заступу скликают, лешаки дровосеков в чащу не пускают — поможет Заступа. А с тех пор как грянула Пагуба, без Заступы и вовсе никак. Большая беда пришла почти четыреста лет назад. В 1238-м предвестницей близкого светопреставления явилась татарская орда, сметая все на пути, словно прожорливая саранча из библейских преданий. Дело привычное, столетьями Русь оборонялась от степняков, возводила валы, выжигала кочевья дотла. Но в тот раз все было иначе, русские княжества ложились под копыта татарских коней одно за другим, захлебываясь кровью и воем. Устоял только Новгород, Бог, видать, спас. А может, не Бог, кто теперь разберет? Орда разорила Русь и нажравшейся тварью уползла обратно на юг, обложив завоеванное налогом и данью. Казалось, хуже уже быть не могло... Но ночь с пятнадцатого на шестнадцатое августа 1302-го года озарилась слепящей багрово-фиолетовой вспышкой, небо раскололось, обрушились стены городов, церкви и терема. Опустилась кромешная тьма. Утром солнце не встало, Черная Ночь длилась месяц, и под

покровом смрадной удушающей темноты пришли твари, исторгнутые самой Преисподней. Мир погрузился в хаос. Огромные волны смывали берега, плавился камень, трескалась и горела земля, целые страны тонули в крови. Демоны и кошмарные чудища несли опустошение и смерть. Никто не знал, что случилось в тот день, никто не считал погибших, никто не знал, как людям удалось уцелеть. Мутное больное солнце взошло лишь десятого сентября, дав отсчет новому календарю. Поток чудовищ иссяк, оставшихся перебили и загнали в леса, пустыни и горы. В кошмарных муках и океанах крови рождался новый мир, старому Пагуба нанесла смертельную рану. Исчезли народы и королевства, стерлись границы, поменялись очертания континентов, тысячи верст были выжжены, усеяны костями и пеплом. Наступил Темный век, век войн, сражений, ереси, всеобщего безумия и бесконечной резни. И длился он ровно 111 лет, пока в 1413-м году на Венском конвенте уцелевшие христианские государства не объединились и не дали отпор нечисти, дикарям, варварам и демонопоклонникам, сталью и огнем установив новый порядок. Заступам в нем выпала особая роль. Власть она далеко, а Заступа вот он, рядышком. Рух Бучила и малая толика подобных ему, взявших под защиту баб, мужиков и детей. Не будет Руха — не будет села, останется гарь да обглоданные нечистью костяки. И плата за это не так велика...

— Спалось хорошо, да мало.— Рух делано зевнул и спросил: — Как перезимовали? Нешто спокойно, раз не тревожили?

— Твоими молитвами, Заступа-батюшка, и Христос нас, горемычных, оберегал. Хлеба в достатке,

детки здоровые, скотий мор стороной обошел. Одна померла коровенка на Рождество — почернели кишки, и зеленая кровь из всех дыр отошла.

— Волчатка?

— Она самая, кормилец, едва успели беду отвести. Как ты и наказывал: отрыли младенчика, помершего без святого причастия, зашили коровке в нутро вместе с живым петухом и сожгли на кострище, пеплом село по кругу обсыпали. Убралась лихоманка проклятая. Повыла за околицей, зубьями поклацала и ушла.

— Заложные себя тихо вели?

— Тихо, батюшка, снегу страсть намело, не выбраться им было до самого Благовещенья. Неделю назад возчики сгнули у Птичьего брода, тел не нашли. А давеча мужики слышали в лесу, возле брода, страшественный вой. То ли зверюга выводит, толь человек.

— Гляну,— благосклонно кивнул Рух. Вот и работа наметилась: раз померли лютой смертью и без похорон правильных, значит, уже поднялись. Помаются, помыкаются, оттаявшую в лесу дохлятину подъедят и куда пойдут? Точно, домой, память сохранившаяся в прогнивших мозгах к ребятишкам и женам потянет. Вот радости будет, как полезут в избы разложенные мертвецы.

— Ты уж сходи, батюшка, посмотри,— заискивающе улыбнулся Аникей.— Наши-то теперь страшатся Птичьим бродом ходить, до Наволока пятнадцать верст крюком дают. Помоги, батюшка. Мы в долгу не останемся.

— А пока вот.— Устин пошамкал беззубым ртом.— У нас товар, у вас купец, стало быть. Прими, Заступа, невестушку, не побрезгуй.

Невзор вытянул из-за спин молоденькую, лет этак шестнадцати, девку в белой рубахе до пят и с венком на голове. Девка оказалась вполне симпатичной, золотоволосой и остроглазой. Худосочной уж только, ни жопы, ни сисек. Рух недовольно скривился:

— Замухрышка какая. Год не кормили? Себе-то пуза наели.

Бучила шагнул к невесте, старейшины попятлись, притихшая толпа шарахнулась, кто-то упал, задрал грязные пятки.

— Ты на внешности, батюшка, не смотри. Зато девица она невинная, аки ярочка,— оправился от страха Аникей.

Рух ухватил «ярочку» за хрупкие плечи. Головка у невесты держалась плохо, клонясь на плечо, тело мягкое и безвольное, огромные голубые глаза заволокла пьяная пелена. На жениха не смотрела, вялая, безразличная, еле живая. Ну точно, только девственницы тут не хватало.

— Разве о девицах был уговор? — строго поинтересовался Бучила.— Ведь знаете, каких я люблю.

Он руками обрисовал нужные формы. Вышло даже пышнее, чем требовалось.

— Надо девицу,— ослом уперся Невзор.

— Истинно так! — Устин ткнул перстом в ночное небо.

— Да с чего бы? — ахнул начавший терять терпение Рух.

— Устинья велела,— нехотя признался Аникей.— Надо, грит, непременно девицу Заступе в невесты отдать, тады рожь взойдет хороша и свињи трижды опоросятся.

— Ну это, конечно, все меняет.— Рух надрывно вздохнул. Устинья подсуропила. Змеища